

Новое
Литературное
Обозрение

АЛЕКСАНДР ЛИВЕРГАНТ

ВИКТОРИАНКИ

**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА
2023**

УДК 821.111(091)"1837/1901"

ББК 83.3(4Вел)

Л55

Ливергант, А.

Л55 Викторианки / Александр Ливергант; 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 272 с.: ил. (Серия «Критика и эссеистика»)

ISBN 978-5-4448-1974-6

Английская литература XIX века была уникальной средой, в которой появилась целая плеяда талантливых писательниц и поэтесс. Несмотря на то что в литературе, как и в обществе, царили патриархальные порядки, творчество сестер Бронте, Джейн Остен и других авторов-женщин сумело найти путь к читателю и подготовить его для будущего феминистского поворота в литературе модернизма. Лицами этой эпохи стали талантливые, просвещенные и сильные ее представительницы, которым и посвящена книга литературоведа А. Ливерганта. В нее вошли три очерка: «Непревзойденная Джейн» о Джейн Остен, «Дом на кладбище» о Шарлотте, Эмили, Энн и Брэнзулле Бронте и «Викторианская Сивилла» о Мэри-Энн Эванс, писавшей под псевдонимом Джордж Элиот. В каждом из них автор размышляет о творчестве и судьбе героинь, погружая их биографии в подробный исторический контекст. Александр Ливергант — кандидат искусствоведения, филолог, переводчик, главный редактор журнала «Иностранная литература». Автор многочисленных работ об английской и американской литературе.

УДК 821.111(091)"1837/1901"

ББК 83.3(4Вел)

В оформлении обложки использован
фрагмент фотографии Йоханнеса Лутца
«Женщина у окна». Рейксмузеум,
Амстердам

© А. Ливергант, 2022; 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2022

© 000 «Новое литературное обозрение», 2022; 2023

Содержание

Женское лицо

7

НЕПРЕВЗОЙДЕННАЯ ДЖЕЙН

15

ДОМ НА КЛАДБИЩЕ

65

ВИКТОРИАНСКАЯ СИВИЛЛА

203

Женское лицо

Банальность: у каждой национальной литературы, у каждой литературной эпохи — свое лицо. У викторианской, если перефразировать название книги Светланы Алексиевич, лицо женское.

Английская литература позапрошлого века, как никакая другая, дала миру целую плеяду первоклассных прозаиков и поэтов — представительниц прекрасного пола. Викторианская эпоха имеет отчетливый феминистский оттенок, хотя до суфражисток, борьбы женщин за свои права, дискуссий по гендерным вопросам было еще далеко.

Именами Джейн Остен, Шарлотты, Эмили и Энн Бронте, Джордж Элиот — писательниц, о которых идет речь в этой книге, — список талантливых викторианок не исчерпывается. Читатель не найдет здесь жизнеописания Мэри Шелли, жены поэта, создательницы некогда знаменитого, ледящего кровь и актуального по сей день «Франкенштейна» с глубокомысленным подзаголовком «Современный Прометей». Нет здесь и Элизабет Барретт Браунинг, жены еще одного великого поэта, которая, по мнению многих, сочиняла стихи не хуже именитого мужа и вполне заслуживала почетного титула

«поэта-лауреата». Нет и Элизабет Гаскелл, написавшей не только «Мэри Бартон» и «Крэнфорда», — романы, которые высоко ценил и печатал в своих журналах Диккенс, — но и биографию своей коллеги по перу и близкой подруги Шарлотты Бронте; «Жизнь Шарлотты Бронте» и по сей день считается одной из лучших биографий на английском языке. Нет здесь, если мерить историю литературы годом рождения, и Вирджинии Вулф; викторианкой, впрочем, автора «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» уж никак не назовешь — скорее антивикторианкой.

И то сказать, большие писатели с трудом поддаются периодизации, не встраиваются в литературный процесс. Джейн Остен, с чьей литературной биографии начинается эта книга, умерла за двадцать лет до восшествия на престол королевы Виктории и по формальным признакам викторианкой считаться не может. А между тем многое в романах Остен роднит ее скорее с викторианским веком, чем с веком Просвещения, скорее с Теккереем, чем с Филдингом или Смоллеттом. С молодых ногтей «непревзойденная Джейн» зло и остроумно, хотя и не всегда заметно высмеивает нравоучительность и навязчивую сентиментальность литературы восемнадцатого столетия, в котором прожила большую часть жизни. «За изящной, легкой светской болтовней героев, — отмечает Честертон, — утонченные читатели Джейн Остен не рассмотрели громоподобного бурлеска». Вот и Мэри-Энн Эванс, более известная как Джордж Элиот, крупный прозаик, философ, критик и ученый викторианского века, гораздо ближе к французскому натурализму, чем к английскому критическому реализму и тем более — к сенсационной литературе середины XIX века, к которой, как позитивисту и положено, она относилась с нескрываемым предубеждением, если не сказать пренебрежением.

Не только Остен, но и сестер Бронте, и Джордж Элиот викторианками в строгом смысле слова не назовешь. Все пять

писательниц семейным ценностям были преданы меньше, чем литературным, да и семьи своей ни у кого из них не было, как и детей. Из известного филистерского триединства, нашедшего свое наиболее полное и выразительное воплощение в трех немецких словах: Küche, Kinder, Kirche, триединства, основополагающего для викторианской женщины — хранительницы домашнего очага, но не властительницы дум, — они отдавали должное разве что Церкви, да и то не без некоторых сомнений. Джордж Элиот, ревностная протестантка в молодости, близко сошлась с кружком вольнодумцев и скептиков, поборников не религиозной, а научной мысли, и пересмотрела свои ортодоксальные взгляды на Церковь и веру. Шарлотта Бронте и Джейн Остен в церковь ходили исправно, но цену пуританским табу, религиозному ханжеству и начетничеству, несмотря на юный возраст и строгое, последовательное пасторское воспитание, хорошо знали. Вспомним хотя бы Уильяма Коллинза из «Гордости и предубеждения» или миссионера, преподобного Сент-Джона Риверса из «Джейн Эйр» с его «бесцеремонной прямотой, упорной пристальностью».

Неписаное правило викторианской этики требовало не выносить сор из избы. И Остен, и сестры Бронте, благочинные барышни в жизни, в литературе «сор из избы» выносят постоянно — и в «Нортенгерском аббатстве», и в «Грозовом перевале», и в «Джейн Эйр», и в многочисленных письмах. Бросают вызов тем, кто выдает внешнюю благопристойность за истинную добродетель, кто полагает, что нравственность и светские условности — синонимы. Читая книги этих несколько необычных викторианок, убеждаешься, что благоденствие, общественную благопристойность, благочинность и незыблемость моральных устоев, верность традиции, англиканской Церкви, отечеству и семейному очагу преувеличивать едва ли стоит. Женское лицо викторианской литературы вовсе

не всегда такое благостное, как может показаться, и вымученный хеппи-энд большинства женских романов никого не может ввести в заблуждение, сегодня «они жили счастливо и умерли в один день» воспринимается не более как дань времени. В читательской памяти гораздо дольше остаются и глубже запечатлеваются безотрадные описания диких нравов, царящих в закрытой школе для девочек («Джейн Эйр»), или свирепых семейных распрей («Грозовой перевал»).

Такой же данью времени и литературным нравам были и псевдонимы — негласное и почти обязательное условие публикации женских романов и стихов. В Англии (и не только в Англии) позапрошлого века считалось, что у женщины есть дела поважней, чем «бумагу марать». Литература виделась исключительно мужским занятием, да еще не самым, выражаясь современным языком, престижным; то ли дело политика, Церковь, коммерция или спорт; литературой — таков был общий глас — карьеры не сделаешь. Отгадывание псевдонимов превращалось в азартную литературную игру, порождавшую порой самые вздорные сплетни. Когда вышла «Джейн Эйр», по Лондону прошел слух, что автор романа одно время состоял гувернером в доме Теккерея. Маски срывались далеко не сразу и лишь в случае ненужности или крайней необходимости. Только когда «братья» Каррер, Эллис и Актон Белл объявились в Лондоне, издатели поняли, что авторы «Стихотворений» и трех романов — не братья, а сестры, и не Белл, а Бронте. Теккерей и Диккенс вступили в заочный спор: мужчина или женщина скрывается под именем Джордж Элиот. Диккенс угадал, что это женщина, Теккерей же оказался не столь проныцателен, автор «Ярмарки тщеславия» заявил, что ни минуты не сомневается: автор — мужчина. А гражданский муж писательницы, ученый и критик Джордж Генри Льюис разыграл издателя «Блэквуд мэгазин», пригласив его к себе на ужин

и пообещав познакомить с Джорджем Элиотом, который на поверку оказался женой Льюиса, Мэри-Энн Эванс (она же — Джордж Элиот), создательницей «Адама Биды» и «Сайлеса Марнера» — романов, которые не первый год издавал, не подозревая подвоха, Блэквуд.

Сами же литературные упражнения викторианок на забавную игру походили меньше всего. Родные и даже самые близкие друзья относились к их трудам в лучшем случае без интереса, а порой и настороженно, с недоумением и даже с осуждением. Когда Шарлотта Бронте попросила отца прочесть «Джейн Эйр», тот ответил, что у него нет времени читать и слушать рукописи, и выразил надежду, что дочь «не станет впредь заниматься подобной ерундой». Впрочем, бывали и исключения: отец Джейн Остен, например, не только не отказывался читать романы дочери, но даже помогал их пристраивать, вел переговоры с лондонскими издателями. Для «занятий ерундой» Джейн Остен или Шарлотте Бронте приходилось, урывая час-другой от домашних дел, уединяться с тетрадью где-нибудь в пустующей комнате и творить на краю стола, заставленного посудой и книгами, под детский гомон за стеной. И набраться терпения: проходили месяцы, прежде чем издатель удосуживался дать ответ, далеко не всегда положительный, и годы (как в случае с «Гордостью и предубеждением»), прежде чем рукопись выходила в свет и на нее — счастливый миг! — отзывался хвалебной рецензией авторитетный критик.

И вдобавок привыкать к мысли, что написанное не принесет ни славы, ни денег. Ради денег, отдадим викторианским писательницам должное, не писал из них никто. Что же до славы, то ее «эти загадочные англичанки», как назвала свою антологию английской женской прозы Екатерина Гениева, иногда и добивались — вот только дожить до известности удавалось немногим. Те же, кто дожил, как правило, не слишком высоко

оценивали свои литературные достижения, нередко были к себе самокритичны, более пристрастны, чем самые взыскательные зоилы. «Я почувствовала себя такой никчемной, такой отчаявшейся, что сказала себе: „Нет, бросаю, ничего у меня не получится,»», — сетует Джордж Элиот, дописывая роман «Ромола» из итальянской средневековой жизни, — роман, к слову, и впрямь не очень удачный. «Роман этот слишком легковесен, слишком блесит и сверкает», — пишет Остен о «Гордости и предубеждении», своей лучшей книге, которую, когда она, наконец, спустя без малого двадцать лет, вышла из печати, единодушно расхвалили критики.

И пристрастны не только к себе, но и к своим «сосестрам» по перу. «Точное воспроизведение обыденных лиц... ни одного яркого образа, — пишет об Остен Шарлотта Бронте. — Возможно, она разумна, правдива... но до величия ей далеко... Ее творчество напоминает мне обнесенный высоким забором, тщательно обработанный сад с бордюром и изящными цветами... Мне бы не хотелось жить с ее леди и джентльменами в их изысканных, наглухо запертых особняках».

Чем же женское лицо отличается от мужского?

Богатым воображением? Едва ли; прав рецензент «Британского критика», который отказывает Джейн Остен в воображении, бурной фантазии: «Воображение — не самая сильная сторона ее дарования». И не только ее, на это же обращали внимание и критики, причем вполне доброжелательные, рецензировавшие романы Джордж Элиот, в том числе и «Мидлмарч».

Повышенным чувством моральной ответственности? Но чувство это, утонченность, решительность моральных суждений характерны для многих крупных викторианцев обоего пола.

Занимательностью, фабульностью, тем, что англичане называют «thrill»? Но в этом и Остен, и Шарлотта Бронте, и тем более Джордж Элиот, которая с присущим ей здравомыслием

во главу угла ставит не увлекательность произведения, а его правдивость (truth to nature), «проникновение в глубины обычной жизни», заметно уступают и позднему Диккенсу, и Уилки Коллинзу. Приметы готического романа в книгах викторианок, особенно сестер Бронте, отыскать не сложно, но от «романа тайны» («mystery novel») они далеки, им не до разгадки преступлений, к жизни они относятся серьезно и развлекать читателя не склонны.

Сентиментальностью, повышенной эмоциональностью? Но романы Джейн Остен и Джордж Элиот чувствительными никак не назовешь; более трезвого, рассудочного, «без романтических затей» взгляда на английское общество середины позапрошлого века не отыщешь даже у Теккерея, не говоря уж об эмоциональном, увлекающемся Диккенсе.

Орнаментальностью, многословием? И тоже нет: Диккенс, да и скептик Теккерей, не говоря уж о таком «массовом» авторе, как Эдуард Бульвер-Литтон, куда красочнее, многословнее.

Разница между «мужским» и «женским» романом, как кажется, заметнее всего в трактовке героев, а вернее — героинь. Викторианки при всей несхожести выводят на авансцену свой идеал — женщину, с себя списанную, — решительную, мужественную, начитанную, способную справиться с иллюзиями, за себя постоять, распорядиться своей судьбой, а заодно и судьбой своих близких. Сказала же Шарлотта Бронте: «Когда я пишу о женщинах, я больше в себе уверена». Не эти ли черты объединяют столь разных героинь, как Элизабет Беннет, Джейн Эйр, Мэгги Талливер и Доротея Брукс?

И их создательниц, которые заявляют о себе, не желая считаться с викторианским общественным укладом, с жестким моральным императивом, уготовившими им скромное место на церковной скамье, в кухне, в детской, в лавке по соседству, за шитьем или за роялем.

Александр Ливергант

И которые, как сказано в Прелюдии к «Мидлмарчу», «пытаются сохранить благородную гармонию между своими мыслями и делами».